

Список использованной литературы:

1. Codification. "Toupietionnaire": le dictionnaire de politique. Data base "Toupietionnaire". URL: <http://www.toupie.org/Dictionnaire/Codification.htm> (Date of review 29.01.2019)

2. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : Учебное пособие / Под ред. В.А. Туманова. Москва : Юристъ, 2003. 448 с.

3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В. А. Туманова. Москва : Междунар. отношения, 1997. 400 с.

4. Виконавча влада і адміністративне право / За заг. ред. В. Б. Авер'янова. Київ : Видавничий Дім "Ін-Юре", 2002. 668 с.

5. Article 171 de la Loi № 2014-366 du 24 mars 2014 pour l'accès au logement et un urbanisme rénové. Data base "Legifrance". URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichLoiPreparation.do?idDocument=JORFDOL E000027617351&type=general>

6. Кругляков В. Деякі питання вдосконалення правотворчого процесу в Україні. *Актуальні проблеми удосконалення законодавства у період інтеграції в Європейський Союз* : Тези доп. всеукр. студ. конф. / Гол. ред. Л. І. Лазор. Луганськ : Вид-во Східноукр. держ. ун-ту, 2000. С. 54–58.

7. Соколова А. В. Проблемы систематизации и кодификации административного права. Санкт-Петербург, 2016. 71 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Евгений Юрьевич – аспирант кафедры административного права юридического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

INFORMATION ABOUT AN AUTHOR

Litvinenko Evgeniy Yuryevich – Postgraduate Student at the Department of Administrative Law of Taras Shevchenko National University of Kyiv

eugenelytv@gmail.com

УДК 343.97:343.775

«ЧЁРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ» КАК ВИД ПРЕСТУПНОГО НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ: ОБЩЕМИРОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Максим МАКСИМЕНЦЕВ,

кандидат экономических наук, соискатель
Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию феномена «черной археологии» в общемировом измерении. Установлено, что «черная археология» как особый вид преступного недропользования подпитывается функционированием нелегальных рынков антиквариата. Не менее чем на 58% разведанных объектов археологического наследия в мире (как законсервированных, музейного типа, так и тех, на которых активно проводятся раскопки) хотя бы один раз совершались преступления, связанные с незаконным изъятием объектов из недр. Чаще всего предметами преступлений «черных археологов» становятся древние предметы быта – 30%, украшения – 30%, монеты и старинное оружие – по 15%, предметы религиозного культа и искусства – по 5% соответственно.

Ключевые слова: недропользование, окружающая среда, преступность, «черная археология», артефакт, структура.

“BLACK ARCHEOLOGY” AS A KIND OF CRIMINAL SUBSOIL USE: GLOBAL DIMENSION

Maksym MAKSYMMENTSEV,

Candidate of Economic Sciences, Degree-Seeking Student
of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The article is focused on studying the phenomenon of “black archeology” in the global dimension. It has been established that “black archeology” as a special type of criminal subsoil use is fuelled by the functioning of illegal antiques markets. Crimes related to the illegal seizure of objects from the depths were at least once committed not less than for 58% of the explored archaeological heritage sites in the world (both preserved, museum-type, and those that are actively being excavated). Most often, the subjects of crimes of “black archeologists” are ancient household items – 30%, jewelry – 30%, coins and ancient weapons – 15% each, items of religious worship and art – 5% each, respectively.

Key words: subsoil use, environment, crime, “black archeology”, artifact, structure.

Постановка проблемы. Объекты отношений недропользования не ограничиваются добычей непосредственных природных составляющих недр, но связаны и с другими видами механического (энергетического) воздействием на них. Элементы самых недр (порода, водоносные пласты и т.д.) вполне могут выступать препятствием для доступа к условно «чужеродным» компонентам, расположенным в недрах, например при археологических раскопках. Но поскольку недра могут содержать такие элементы, доступ к последним объективно невозможен без вмешательства в структуру недр. Осуществление такого доступа

следует рассматривать как недропользование, ведь именно в недрах сохранились соответствующие (в частности, археологические) объекты. Отсюда вполне логичен выход на проблематику социально-экономических и даже шире – культурных функций недр. Стоит отдавать себе отчёт в том, что недра – не только природный объект с широким спектром естественных, экономических функций, но и культурный, сохраняющий в себе информацию как о природе, так и о человеке. Именно поэтому феномен «черной археологии» следует рассматривать как комплексный эколого-культурный вид криминальных практик, проблемы

противодействия которому обнаруживают свою актуальность в разрезе обеспечения всесторонней защиты как культурного наследия человечества, так и охраны окружающей среды от преступного экспансионизма.

Актуальность темы исследования. Вопросы предупреждения преступлений в сфере недропользования вообще и незаконного проведения археологических разведок, раскопок на объектах археологического наследия, в частности, раскрываются в научных трудах В. В. Базелюк, Б. Балестрейри (*B. Balestrieri*), С. А. Бочарникова, Е. П. Гайворонского, Л. Гюйзы (*L. Güiza*), Т. В. Корняковой, В. К. Матвийчука, О. Мускареллы (*O. Muscarella*), Е. Свейна (*E. Swain*) Ю. А. Турловой, Дж. Фонсеки (*G. Fonseca*) и других ученых. Существующие наработки отличаются своей теоретической глубиной, практической значимостью. Вместе с тем современное состояние «черной археологии» в общемировом измерении воспроизводства этого феномена до сих пор не выяснено, не исследовано.

Целью и задачей статьи является формирование научного представления о современном состоянии «черной археологии» как вида преступного недропользования в общемировом масштабе.

Изложение основного материала. Такой сегмент преступности в сфере недропользования, как «черная археология» (по УК Украины – незаконное проведение поисковых работ на объектах археологического наследия, ст. 298), является одним из основных источников пополнения мирового нелегального рынка антиквариата. В общемировом срезе весьма сложно установить уровень распространенности этих преступлений. В основном они имеют латентный характер. В одном из дайджестов Интерпола указывается: «Мы не имеем никаких цифр, которые бы позволили нам утверждать, что торговля культурными ценностями, артефактами является третьей или четвертой по распространенности формой преступного трафика, хотя это часто упоминается на международных конференциях и в средствах массовой информации. Действительно, очень трудно получить точное представление о том, сколько предметов культурного наследия неза-

конно получили во всем мире, и маловероятно, чтобы когда-нибудь была точная статистика» [1]. Интерпол ведет базу данных похищенных культурных ценностей, в которой в основном представлены только те предметы, которые уже были ранее в легальном обороте и стали предметом похищения из музеев, частных коллекций. Таким образом, указанная организация, как и любая другая правозащитного, криминологического направления работы, пока не имеет более или менее точной и полной информации о количественных и качественных показателях «черной археологии» в мире.

Вместе с тем результаты ряда зарубежных криминологических исследований, опросов археологов с опытом полевых исследований позволяют сделать некоторые осторожные и весьма ограниченные обобщения по этому вопросу. Так, в частности, установлено, что не менее чем на 58% разведанных объектов археологического наследия в мире (как законсервированных, музейного типа, так и таких, на которых активно проводятся раскопки) хотя бы один раз совершались преступления, связанные с незаконным изъятием соответствующих объектов из недр, непосредственными свидетелями которых были сами археологи [2, р. 5, 6]. Поэтому следует признать, что проведение археологических раскопок наряду с легальными работами в большинстве случаев сопровождается нелегальным изъятием из недр объектов археологического наследия, артефактов. Последнее, как правило, в 87% случаев происходит в ночное время, когда археологов на объекте раскопок нет.

И это только результаты исследований, основывающихся на опросах археологов, которые на законных основаниях осуществляли раскопки. Они, очевидно, не охватывают того объема археолого-поисковых работ, которые вообще осуществляются без каких-либо разрешений, преступным способом. Впрочем, как указывает Б. Балестрейри (*B. Balestrieri*), можно констатировать полное отсутствие надлежащих статистических данных правоохранительных органов, препятствующих попыткам оценить размер и характер транснациональных рынков для отдельных видов нелегально добытых археологических объектов. Это

исключает и любую реальную оценку объема и характера любых соответствующих контрамер, необходимых для ограничения преступных промыслов [2, р. 13].

Не последнюю роль в этом играет пассивность самих археологов, которые, будучи очевидцами, свидетелями разграбления объектов археологического наследия, по различным соображениям предпочитают не сообщать об этих фактах в правоохранительные органы. При этом распространена мотивация пассивности, согласно которой «черные археологи», мародеры воспринимаются как жертвы локальных и глобальных экономических условий, бедности и нужды [3, р. 395–401; 4, р. 89–90]. Целесообразность криминализация всех незаконных археологических работ, как акцентирует Б. Балестрейри (*B. Balestrieri*), вызывает сомнения. То, что незаконное проведение поисковых работ на объектах археологического наследия может быть криминализованным в национальном законодательстве, еще не означает, что в сознании любых недропользователей или полевых археологов каждый, кто это делает, сам является преступником [2, р. 13].

Таким образом, преступлениям «черной археологии» присущи типичные черты так называемых «преступлений без жертв», что даже в профессиональных (археологических) кругах не вызывают существенного эмоционального резонанса, морально-императивной неприятие социальное-психологического оснований для признания общественной опасности деяния, достаточных, чтобы прилагать активные усилия во взаимодействии с правоохранительными органами в деле противодействия их распространению. Сам же преступник часто идентифицируется с жертвой глобального экономического неравенства, неустойчивости стремлений частных коллекционеров к пополнению своих коллекций. Исходя из подобных диспозиций, вполне закономерным представляется сверхвысокий уровень латентности исследуемой категории преступлений. И Украина в этом смысле не является исключением.

Анализ результатов масштабного опроса археологов, которые были свидетелями незаконного завладения предметами на объектах археологиче-

ских раскопок, а также структуры «черных рынков» антиквариата [2, р. 1–24; 3, р. 395–401; 4, р. 89–90 и др.], позволяет утверждать, что чаще всего предметами такого завладения становятся древние предметы быта (посуда, орудия труда и пр.) – 30% (см. диаграмму).

Как можно видеть из диаграммы, примерно такими же по распространенности незаконного завладения предметами археологического наследия являются украшения (30%). Несколько реже завладевают металлическими монетами (15%), а также старинным оружием (15%). Поровну распределились предметы религиозного культа (5%) и предметы искусства – скульптуры, гравюры и т.п. (5%).

При этом следует отметить то обстоятельство, что «черная археология» подпитывается функционированием нелегальных рынков антиквариата. Последние же являются проявлением организованной, транснациональной преступности, что также позволяет связать указанный вид преступности в сфере недропользования с другими системными криминальными феноменами, в том числе и коррупцией.

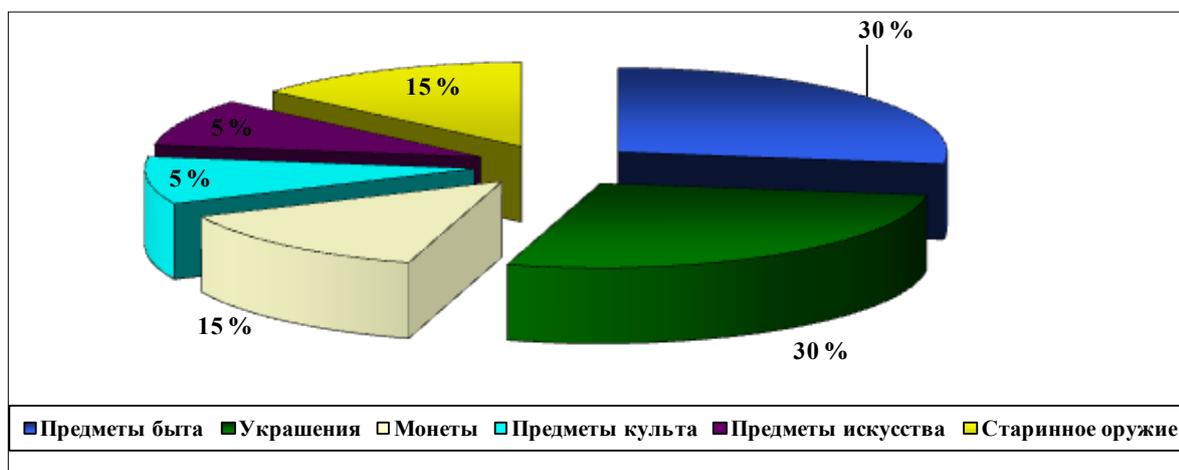
Итак, можно констатировать наличие плотных и развитых связей между преступностью в сфере недропользования и организованной, транснациональной преступностью, легализацией средств, полученных преступным путем. Подобный функциональный, институциональный уголовный симбиоз представляет угрозу устойчивому мировому развитию, а также миру и безопасности человечества в целом.

Именно в таком ракурсе и должен мыслиться национальный (внутригосударственный) сегмент преступности в сфере недропользования в каждой отдельной стране, в том числе и Украине. Имея, безусловно, собственные, во многом специфические детерминационные компоненты своего воспроизводства, этот вид преступности выявляет зависимость и от общемировой криминальной и связанной с ней глобальной политической, экономической конъюнктуры. Эти связи нельзя не принимать во внимание как при формировании научного понимания сущности преступного недропользования, так и разработке системных, стратегических основ противодействия ей.

Отметим, что, по оценкам отдельных исследователей, в том числе и из Института археологии Национальной академии наук (далее – НАН) Украины, как в Украине, так и в Европе сейчас существует мощный «черный рынок» сбыта археологических находок. Незаконными поисковыми работами ежегодно уничтожается около тысячи археологических памятников только на территории Украины. На юге происходит настоящий вандализм: могильники уничтожаются гектарами, пробиваются колодцы в насыпях степных курганов, городища побиты ямами в поисках сокровищ. Находки выкапываются, «как картофель», массовый археологический материал бросается на месте преступления, а вырванные из археологического контекста, беспаспортные дорогие вещи продаются для домашних музеев, частных коллек-

ций, вывозимых за границу. «Черный рынок» Европы сейчас завален археологическими раритетами из Украины [5; 6 и др.].

В целом распространению незаконного проведения археологических разведок, раскопок, других земляных или подводных работ на объектах археологического наследия как в Украине, так и Республике Молдова, Словакии, Венгрии, Литве, других странах Восточной Европы присущи те же особенности, что и общемировому измерению этого феномена. «Черные археологи» орудуя как на уже разведанных, легальных раскопках, так и за их пределами, инициативно. Также украинские археологи, сталкиваясь в своей профессиональной деятельности на этапе полевых исследований с проведением незаконных археологических работ, будучи свидетелями, очевидцами последних, предпочитают в большинстве своем не сообщать в правоохранительные органы. Причин этому, как показали собранные нами экспертные оценки, несколько, и они не отличаются своей «оригинальностью» по сравнению с другими видами преступности: 1) низкий уровень доверия к правоохранительным органам, уверенность в их коррумпированности, непрофессиональности; 2) нежелание в дальнейшем участвовать в уголовном судопроизводстве, обусловленное его обременительными процедурами; 3) опасение мести со стороны «черных археологов». Также стоит отметить и низкий уровень правосознания отдельных профессиональных археологов.

Диаг. Графическое изображение структуры «черной археологии» по предмету незаконного завладения: общемировое измерение

Наряду с этим и сами правоохранительные органы не проявляют должной активности в противодействии «черной археологии». Во-первых, этот вид преступности никогда не был и сейчас не находится в числе приоритетов оперативно-служебной деятельности Национальной полиции. Во-вторых, выявление признаков этих преступлений, пресечение объективно связано в большинстве случаев с проведением оперативно-розыскных мероприятий за пределами населённых пунктов. Дают о себе знать и количественная, и качественная нехватка кадров в отдалённых от областных центрах районных отделах полиции, их чрезмерная служебная загруженность, отсутствие надлежащих организационных условий, транспортных средств и т.п. В-третьих, выявление признаков подготовки к незаконному проведению археологических разведок, раскопок, других земляных или подводных работ на объектах археологического наследия выдвигает ряд специфических требований по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий, расстановке негласного аппарата, компетентности последнего в вопросах археологии и т.д. Совершенно ясно, что и этот компонент полицейской деятельности пока не является развитым настолько, чтобы удовлетворять требованиям эффективности в рассматриваемой сфере.

Как следствие, правоохранители часто не реагируют или реагируют несвоевременно, неправильно на сообщения о незаконных раскопках, проведение поисковых работ, теряются ценные археологические материалы. Не лишним будет отметить и то, что примерно каждое пятое (21,1%) уголовное производство по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 298 УК Украины, закрывается из-за отсутствия состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 284 УПК Украины). Поэтому заинтересованные субъекты легальной археологической деятельности далеко не всегда информируют правоохранительные органы, иногда прибегая к самостоятельному реагированию на незаконную деятельность. Симптоматичным в этом аспекте является сам факт появления в профессиональном археологическом дискурсе словосочетания «научно-спасательные работы».

Так, например, на официальном сайте Института археологии НАН Украины размещено сообщение следующего содержания: «В октябре 2017 г. Островский отряд Архитектурно-археологической экспедиции Института археологии НАН Украины (руководитель – В. Г. Ивакин) совершил срочные научно-спасательные работы в Рокитнянском районе Киевской области на правом берегу р. Рось. Начатые раскопки были связаны с активной деятельностью грабителей в этой местности. Одновременно наш коллега из Центра Балтийской и Скандинавской археологии Романос Широухов (*Dr. Roman Shiroukhov*) обратил внимание на то, что фотографии отдельных вещей, которые вероятно происходят из этого некрополя, известны в интернете. Наши поиски в интернете обнаружили, что вещи, которые наверняка связаны с могильником, представлены в частной коллекции Евгения Гредунова, который проживает в г. Бровары. Дальнейшие поиски обнаружили подобные находки еще на одном сайте коллекционеров, они, даже не прячась, обсуждают факт разграбления некрополя. Такие группы грабителей нами были зафиксированы на территории могильника» [7].

Выводы. Подытоживая, заметим то, что фиксируется сохранение высокого уровня латентности незаконного проведения работ на объектах археологического наследия, их преобладание на территориях, охваченных активными или «замороженными» вооруженными конфликтами, неполным правительственным контролем территории страны (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия и др.). «Черная археология» существует и как самостоятельный криминальный феномен, и как спутник легальных археологических поисковых работ. В то же время, как и другие преступления в сфере недропользования, «черная археология», являясь неотъемлемым элементом транснациональной организованной преступности, в наибольшей степени интенсифицируется: а) в зонах геополитической нестабильности, конфликтности; б) в местах концентрации следов древних цивилизаций. Поэтому с сохранением и/или обострением параметров мировой геополитической напряженности следует ожидать активизации незаконных поисковых работ, прежде всего, на объектах археологи-

ческого наследия ближневосточного и латиноамериканского региона. Кроме того, в зоне повышенного риска воспроизводства этого вида преступности остаются постсоветские страны со сложными экономическими условиями, недостаточно развитыми полицейскими превентивными механизмами соответствующей направленности.

Список использованной литературы:

1. Frequently asked questions / Connecting Police for a Safer World. Interpol. URL: <https://www.interpol.int/Crime-areas/Works-of-art/Frequently-asked-questions> (дата обращения: 21.11.2018).
2. Balestrieri B. A. B. Field Archaeologists as Eyewitnesses to Site Looting. *MDPI*. 2018. № 7 (48). P. 1–24. URL: www.mdpi.com/journal/arts (дата обращения: 21.11.2018).
3. Muscarella O. W. The Fifth Column Within the Archaeological Realm. *The Great Divide. In Studies in Honour of A. Cilingiroglu : A Life Dedicated to Urartu on the Shores of the Review Articles 463 Upper Sea / Edited by D. Zafer, H. Saglamtimur, E. Abay. Istanbul : Arkeolojive Sanat Yayinlari, 2009. P. 395–406.*
4. Hollowell J. Moral arguments on subsistence digging. *In The Ethics of Archaeology: Philosophical Perspectives on the Practice of Archaeology*. Edited by C. Scarre, G. Scarre. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 69–93.
5. Худицкий В. В. Лопатой и детектором. Черные археологи сменяют официальных. *Украинская правда*. 2011. 6 июня. URL: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2011/06/6/41837/> (дата обращения: 15.02.2019).
6. Не стреляйте в археологов. *Зеркало недели*. 2003. 26 сентября. URL: https://dt.ua/CULTURE/ne_strilyayte_v_arheologiv.html (дата обращения: 04.12.2018).
7. Баранов В. И., Ивакин В. Г. Нововыявленный балтский могильник XI ст. на Поросье: предварительные результаты исследований и проблемы охраны уникального памятника / Институт археологии НАН Украины. URL: <http://www.iananu.org.ua/novini/rujnuvannypam-yatok/527-novoviyavlenij-baltskij-mogilnik-khi-st-na-porossi-poperedni-rezultati-doslidzhen-ta-problemi-okhoroni-unikalnoji-pam-yatki> (дата обращения: 04.12.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максименцев Максим Геннадиевич – кандидат экономических наук, соискатель Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksimentsev Maksim Gennadiyevich – Candidate of Economic Sciences, Degree-Seeking Student of Kharkiv National University of Internal Affairs

stanislav2107@mail.ru

УДК 343.9

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА

Петр МАЛАНЧУК,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и судопроизводства
Сумского государственного университета

АННОТАЦИЯ

В этой статье актуализируется вопрос по анализу перспектив внедрения конкретных инновационных технологий при осуществлении досудебного расследования, в частности, полиграфа, который уже давно широко используется в уголовном процессе зарубежных стран. Исследованы состояние и правовые основания применения полиграфа в Украине. Проанализированы теоретические проблемы использования полиграфа в Украине. Исследуется понятие «полиграф», а также проводятся параллели с другими государствами. Приведены примеры законодательных актов, где регулируется в той или иной степени применение полиграфа в Украине, кроме того, определены условия применения полиграфа.

Ключевые слова: полиграф, эксперт-полиграфолог, подэкспертное лицо, следовательно (розыскные) действия, судебная экспертиза.

PROBLEM ASPECTS OF POLYGRAPH USE

Petr MALANCHUK,

Candidate of Law Science, Associate Professor at the Department
of Criminal Law Disciplines and Legal Proceedings
of Sumy State University

SUMMARY

This article addresses the issue of analyzing the prospects for the introduction of specific innovative technologies in the implementation of pre-trial investigation, in particular, the polygraph, which has been widely used for a long time in the criminal proceedings of foreign countries. The state and legal grounds for the use of a polygraph in Ukraine are investigated. Analyzed the theoretical problems of using the polygraph in Ukraine. The concept of “polygraph” is investigated, as well as parallels with other states are drawn. Examples of legislative acts, where the use of the polygraph in Ukraine is regulated to one degree or another, besides, the conditions for the use of the polygraph are defined.

Key words: polygraph, expert polygraph examiner, subject person, hence (investigative) actions, forensic examination.

Постановка проблемы. Среди используемых в раскрытии и расследовании преступлений методов есть нетрадиционные, под которыми подразумеваются такие, что еще не получили достаточного признания и распространения, которые нельзя отнести к общеизвестным в науке внедренным в практику. Отличительной чертой научных криминалистических методов от нетрадиционных является то, что основу первых составляют принципы и категории диалектики и философские принципы, других – ненаучные практические знания.

Среди нетрадиционных криминалистических знаний, средств и методов познания в научной литературе особое внимание привлекает использование

такого криминалистического метода, как детектор лжи, или полиграф.

Использование полиграфа в процессе противодействия преступности обусловлено возможностью выяснить новые фактические обстоятельства, которые не были исследованы до этого, а также обеспечивает получение дополнительной информации, которая прямо или частично связана с объектом расследования и позволяет за короткий промежуток времени сделать оценку достоверности информации, которая была сообщена подозреваемым.

Актуальность темы исследования составляет то, что отсутствие специальных законодательных актов, допускающих признание доказательствами результатов тестирования